

## Памятники древнерусской письменности о взаимодействии Северо-Восточной Руси и Волжской Булгарии

**Аннотация.** Предметом исследования является отражение истории Волжской Булгарии в русском летописании. Вначале дается характеристика русского летописания как основного источника по истории русских княжеств и сопредельных территорий. Для изучения истории Волжской Булгарии русские летописи имеют наибольшее значение, т. к. собственно болгарские письменные источники не сохранились. Арабская географическая и историческая литература менее значительна, т. к. в тенденции своей повторяет одни и те же данные из века в век. Исключения составляют заметки Ибн-Фадлана, Аль-Гарнати, Ал-Омари. Особое внимание уделено упоминанию в летописях имени Александра Македонского в качестве строителя болгарских городов, что, несомненно, является следом болгарских легенд и преданий. Проводится исследование вопроса. Использован историко-генетический метод исследования, который является одним из основных методов исторического познания. В основе его лежат преимущественно описательные технологии. Основная цель метода состоит в объяснении фактов, выявлении причин их появления, особенностей развития и последствий. Основным выводом автора является предположение, что взаимоотношения Волжской Булгарии и княжеств Северо-Восточной Руси были более тесными и взаимовыгодными, чем это отмечено в скрупулезных и сжатых замечаниях летописцев, живших в XV–XVI вв. и пользовавшихся предшествующими сводами для описания уже сложившихся реалий их эпохи. Новизна исследования заключается в том, что данный аспект еще практически не рассмотрен в российской и зарубежной историографии.

**Ключевые слова:** летописание, летописный свод, протограф, болгарские предания, «татищевские известия», Святослав-Гавриил, Зуль-Карнайн, Стена Искандера, «Йаджудж» и «Маджудж», земли Югорские.

**Review.** The subject of this study is the presence of Volga Bulgarian history in Russian historical writing. At the beginning of the article the main features of Russian historical writing are given, as they are the main sources on the history of Russian principalities and of certain territories. Russian chronicles are of the utmost significance in the study of the history of Volga Bulgaria, as Bulgarian written sources as such have not been preserved. The Arab geographic and historical literature is of less significance because it tends to repeat the same information over and over during the course of several centuries. An exception to this are the notes of ibn-Fadlan, of al-Garnati, and of al-Umari. Special attention is devoted to the chronicles' mention of Alexander the Great as the builder of Bulgarian cities, which is undoubtedly a remnant trace of ancient Bulgarian stories and legends. A comprehensive study of this question is carried out. The historical-genetic research method is applied to this work, which is one of the foremost methods of understanding and studying history. At the base of this method lie predominantly descriptive technologies. The focal aim of this method consists in explaining facts, exposing the reasons for their appearance, the particularities of their development and their consequences. The author's main conclusion is that the interaction of Volga Bulgaria with the principalities of North-Eastern Rus was much closer and more mutually beneficial than it is noted in the scrupulous and condensed remarks of 15–16th century chroniclers, who used earlier chronicles for their description of the already existing realities of the period. The novelty of this research lies in the fact that the given aspect of this question is still practically unstudied in Russian and foreign historiography.

**Key words:** Iskander wall, Dhul Qarnayn, Svyatoslav-Gavriil, "Tatishev notes", Bulgarian legends, protograph, chronicles, history writing, "Yadjudj" and "Madjudj", Yugorov land.

Как справедливо отметил И. Н. Данилевский, «летописи по праву считаются одним из важнейших источников изучения Древней Руси» [6, 171]. Следует добавить, что это также один из важнейших источников постижения средневековой

истории народов, непосредственно не входивших в состав Древнерусского государства, но связанных с ней территориальной близостью, экономическими, культурными и социальными контактами. Бесспорно, это касается и народов Верхнего, Среднего и Нижнего Поволжья, ав-

тохтонно проживающих в междуречьях и по берегам рек, являющихся притоками Оки, Камы, Ветлуги, Керженца, Свияги, Суры, Большого Черемшана, Сока, Самары и множества других, несущих свои воды в Волгу.

В наши дни известно более двухсот списков летописей. Каждая имеет свое условное название, которое было дано либо по месту хранения (Ипатьевская, Кенигсбергская, Академическая, Синодальная, Археографическая), либо по фамилии прежнего владельца (Радзивилловский список, список Оболенского, Хрущевский список, Ермолинская летопись и др.). Кроме этого, летописи назывались по имени их составителя, редактора или переписчика (Лаврентьевская, Никоновская, летопись Авраамки), по летописному центру, в котором они были созданы (Новгородская, Тверская, Львовская летопись, Московский свод 1486 г., Устюжский летописец). При этом следует помнить, что если названия давались по летописным центрам, то не отдельным летописям, а целым редакциям, в которые объединялись несколько списков. Если же несколько летописей носят одинаковые названия, то к названию добавляется условный номер. Выделяются Псковские I, II и III летописи, Новгородские I, II, III, IV и V летописи, Софийская I и II летописи. Причем эта нумерация никак не связана с последовательностью их создания.

Состав летописей довольно сложен, поэтому определение летописания как особого вида исторических источников вызывает довольно серьезные трудности. Необходимо помнить, что дошедшие до нас летописи, являясь сводами каких-то предшествующих им текстов, включают не только погодные записи, т. е. хроникальные записи событий за год, но и различные документы, к каковым относятся прежде всего международные договоры и всевозможные акты, регламентирующие экономические и правовые отношения между представителями социальных групп. Не следует также забывать о самостоятельном литературном творчестве летописцев, выражающемся в форме различных «повестей», «житий» князей и православных подвижников, сказаний, записей фольклорного материала [6, 172].

По мнению большинства исследователей русского летописания, основание его приходится на XI столетие. Хотя можно не сомневаться, что еще «до появления обширных летописных сводов уже существовали исторические сочинения или сказания о начале Руси» [35, 42].

Т. е. какие-то формы фиксации преданий и событий имелись уже в середине IX–X вв. – сложный и неоднозначный период складывания русской государственности. Неспроста в «Новгородской первой летописи младшего извода» под 854 г. зафиксировано: «В лето 6362 (854). Начало русской земли» [22, 106]. Вероятнее всего, составитель летописного свода, в который попали эти данные, пользовался какими-то хрониками, сохранившими древние предания и, возможно, погодные записи. Вполне реально фиксация каких-то устных источников. Как отметила Е. А. Мельникова, «при отсутствии развитой письменности единственной формой, в которой могла сохраниться историческая память восточных славян, была устная традиция» [15, 153].

Выдающийся российский историк и филолог, основоположник исторического изучения русского языка, древнерусского летописания и литературы А. А. Шахматов отнес время появления древнейшего летописного свода к 1039 году. По его мнению, составлен он был при Киевском Софийском соборе методом сведения воедино нескольких древних летописей. Отсюда вполне объяснимое наименование создаваемых ими произведений «летописными сводами». Согласно Д. С. Лихачеву, «по отношению к летописи свод более или менее гипотетический памятник, т. е. памятник предполагаемый, лежащий в основе его списков или других предполагаемых же сводов» [14, 367].

И. Н. Данилевский пишет: «Свод – реконструкция текста, легшего в основу всех летописных списков данной редакции. Такой предполагаемый исходный текст называется протографом (от греч. *protos* – первый + *grapho* – пишу). Иногда в основе текста списка летописи лежит несколько протографов. В таком случае принято говорить не о редакции свода, а о редакции летописи (редакции редакции). Историки и литературоведы пришли к обоснованному выводу, что зачастую существующие списки представляют собой не просто своды, а своды предшествующих летописных сводов» [6, 174]. Реконструкция сводов – задача трудоемкая, но именно она дает возможность выявить древнейшие пласты русского летописания.

Исследователи XVIII–XIX вв. считали «Повесть временных лет» первой русской летописью, а Нестора, которому приписывается составление свода, – первым русским летописцем [2, 40–41]. Однако А. А. Шахматов установил, что древнейшая летописная традиция дошла до

нас не в «Повести временных лет», составленной в Киево-Печерской лавре, а в отмеченной выше «Новгородской первой летописи младшего извода», сохранившейся в списках середины XV столетия [39, 9–17]. Полстолетия спустя М. Н. Тихомиров, работая над текстом Устюжской летописи, пришел к выводу, что ее оригинал, возникший не раньше 60-х гг. XI в., «предшествовал “Начальному своду 1093 г.” и, возможно, отразил какой-то летописный свод 60–70-х гг. XI века» [35, 45]. Т. е. в Устюжской летописи мы находим явно более древние чтения, чем в Новгородской первой летописи.

Исследователями установлено, что каждый летописец, используя в своей работе текст предыдущего летописного свода, стремился передать его максимально точно. «В более или менее далеком прошлом средневековые авторы предпочитали компилировать, – пишет Д. С. Лихачев, – соединять в новые варианты старые произведения, перерабатывать их стилистически, согласно новым вкусам, но сохраняя при этом старую фактическую и сюжетную основу, ценя в старых произведениях документ, подлинность» [13, 25]. Это давало достаточные основания, чтобы продолжить работы по воссозданию текстов летописей, не дошедших до нашего времени. Следовательно, труд ученых для вычленения более древних текстов при сравнительном анализе дошедших до нас источников дает вполне реальные результаты.

По меткому замечанию Д. С. Лихачева, сколько бы времени летописец ни потратил на составление свода, его личный текст будет охватывать лишь последнюю, заключительную часть. Поэтому летописные труды постоянно дополнялись, разрастаясь новыми записями. Каждый летописец всегда стремился довести летописные записи до своего времени, запечатлев современного ему князя. «И в этих конечных записях летописцев заключен обычно особенно ценный исторический материал» [13, 26].

В XVII в. летописание как особый жанр исторического повествования начинает угасать. Ему на смену приходят иные виды исторических источников: «Степенная книга», составленная по инициативе митрополита Макария духовником Ивана IV Васильевича Грозного Андреем (будущий митрополит Афанасий) между 1560 и 1563 гг., хронографы и «Синописис» – обзор украинской и восточноевропейской истории, скомпонованный во второй половине XVII в. В этот период летописи все больше приобретают чер-

ты хронографического изложения: повествование ведется по «граням» – периодам правления царей и великих князей, поэтому его, скорее, можно называть гранографическим [6, 173]. В свою очередь, поздние хронографы включают в свой состав летописные материалы, иногда целые фрагменты летописей.

\*\*\*

Русские летописи, исходя из отсутствия болгарских нарративов, – один из основных письменных средневековых источников по истории Волжской Булгарии. Впервые летописец упоминает Волго-Камскую Булгарию, повествуя о реках, по которым из славянских земель можно попасть в Каспийский регион. «Днепр же вытекает из Оковского леса и течет на юг, а Двина из того же леса течет, и направляется на север, и впадает в море Варяжское. Из того же леса течет Волга на восток и впадает семьюдесятью устьями в море Хвалиское. Так и из Руси можно плыть по Волге в Болгары и в Хвалисы и дальше на восток пройти в удел Сима...» [18, 12].

Первая датированная статья, повествующая о сложных взаимоотношениях Киева и Булгара, относится к 985 году: «В год 6493. Пошел Владимир на болгар в ладьях с дядею своим Добрынею, а торков привел берегом на конях <...> И заключил Владимиру мир с болгарями, и клятву дали друг другу <...> И вернулся Владимир в Киев» [18, 57]. Практически все известные на сегодняшний день летописи, в той или иной степени подробности, упоминают на своих страницах о походе дружин киевского князя на болгар. Правда, не описывается маршрут, поэтому не совсем понятно, на каких болгар был организован поход – дунайских или волжских. В российской историографии по данному вопросу была развернута целая дискуссия [3, 45–52]. Скорее всего, совершенно правильную идею в свое время высказал российский историк С. М. Соловьев, отметивший, что «вероятно, были походы и к тем и к другим и после перемешаны по одинаковости народного имени» [33, 180]. В то же время существует довольно большое количество косвенных доказательств, указывающих на то, что под 985 г. отмечен поход именно на волжских болгар [3, 50–51; 17, 98; 36, 247; 37, 8–11; 38, 70].

Последнее упоминание о Волжской Булгарии в летописях связано с походом Федора Давыдовича Пестрого: «Въ лето 6939 (1431). Князь великий Василей посылал ратью на Болгары Волжские князя Феодора Давыдовича

Пестрого; он же шедь взять ихъ, и всю землю ихъ плени» [25, 95]. В «Истории Российской» В. Н. Татищева, который, согласно концепции защитников «татищевских известий» (до сегодняшнего дня не утихли споры между скептиками и защитниками «татищевских известий» по вопросу их подлинности) [5, 14–23], пользовался несохранившимися летописными списками, последнее упоминание столицы Волжской Булгарии связано с походом на Русь армии Ахмед-хана в 1480 году. Воспользовавшись тем, что ордынские войска стояли на Угре, Иван Васильевич отправляет на Среднюю Волгу карательную экспедицию, которая razорила и сожгла болгарскую столицу. «От того часа Болгары запустели, а русские со многим полоном и богатством возвратились поздорову», – сообщает первый русский историк [34, 69]. Сразу следует отметить, что нигде в летописных источниках эта дата в связи с Волжской Булгарией более не фигурирует.

После разгрома столицы Волжской Булгарии войсками ордынского хана Булат-Тимура в 1361 г. и походов новгородских ушкуйников Булгар приходит в упадок [7, 88–96], политический и экономический центр страны переносится болгарями за Каму, где к тому времени уже существовала и развивалась Казань. Далее в летописях фигурируют не болгары, а Казань и казанцы. Показательно, что в первой половине XV в. этот город, как об этом свидетельствует монетный материал, назывался Булгар ал-Джадид, т. е. Новый Булгар [16, 181–183]. Преемственность волжских болгар и казанцев, Булгарии и Казанского ханства четко показывают русские источники XVI в., прежде всего Никоновская летопись, составленная в 1563–1567 гг., и «Казанская история», написанная в 1562–1564 гг. Так, Никоновская летопись во многих местах отмечает: «Болгаре – иже ныне глаголются Казанцы» [25, 12]. В «Казанской истории» многократно упоминаются как предшественницы земли, городов, князей и народа казанского «болгарские рубежи», «болгарские князи», «болгарская земля», «царь Саин Болгарский», «болгарская чернь», город «Брягов болгарский», «Казань стольный град вместо Брягова», другие «грады болгарские, по Волге стояше, Казань и Болгари», казанцы – «худыя болгары» и «старыя болгаре» [27, 207–210].

Летописцы, рассказывая о болгаро-русских взаимоотношениях, чаще всего дают информацию о походах в земли друг друга, реже – о заключении договоров, торговых операциях. О том, что мирные, взаимовыгодные отноше-

ния были повсеместны, говорят клады куфических монет и предметы быта болгарского производства, обнаруженные в довольно больших количествах археологами в Муромской, Рязанской, Владимирской, Нижегородской и Новгородской областях. То же можно сказать о предметах русского быта, обнаруженных археологами на территориях, некогда входивших в состав Волжской Булгарии [20, 179–189]. Вероятнее всего, летописцы, как о повседневном и само собой разумеющемся, не упоминали о прибытии торговых караванов из Булгарии. Также обходили молчанием факт проживания русских купцов в болгарских городах [4, 81–82]. Довольно часто на страницах летописей под каким-либо годом можно прочесть: «Не бысть ничего». Не воевали, не было мора, пожаров, голода, не возводили церквей, градов, не «преставлялись» светские и духовные властители, а просто сеяли хлеб, растили детей, торговали, отмечали праздники, т. е. не происходило никаких выходящих за рамки обыденности событий, на которых могло остановиться внимание летописца. Одновременно в отдельных русских летописях встречается любопытная информация, которая может иметь исключительно болгарские истоки, связанные с глухим отголоском их легенд и преданий. А это говорит о более тесных контактах Руси и Булгарии, чем можно судить по скупым летописным сообщениям.

Почти во всех летописных сводах, в той или иной степени подробно, рассказывается о походе на Волжскую Булгарию князя Святослава-Гавриила, предпоследнего сына Всеволода Юрьевича Большое Гнездо. Событие это везде фиксируется 1220 годом. Правда, есть небольшие исключения. Например, в Никоновской летописи поход Святослава отмечен 1219 годом [24, 83]. Подробно описывается осада болгарского города Ошеля, но только в трех летописях, Тверской, Львовской и Холмогорской, дается уникальная информация: «...А Святослав стоя ту, дондеже изгоре градъ, и взяша Ошель градъ, иже бе созданы Александромъ Македонскимъ» [26, 331]. Во Львовской и Холмогорской летописях уточняется, что он «создан Александромъ, Макидонскимъ царемъ» [28, 150; 30, 62].

Сразу возникает недоуменный вопрос: откуда в Среднем Поволжье мог взяться Александр Македонский и при чем здесь волжские болгары? Вопрос вполне закономерный. Возможно, именно по этой причине основная масса переписчиков летописей, озадачившись

проблемой, просто игнорировала известие о македонском царе, да еще и строителе болгарских городов. Тверской летописец это известие сохранил. Вполне вероятно, он обладал более конкретной информацией, почерпнутой им из источников, в которых сохранились отголоски болгарских преданий. Следует вспомнить, что упоминание о болгарской жене Андрея Боголюбского, принявшей участие в заговоре против мужа, также находится только в Тверской летописи [26, 250–251].

Итак, какое же отношение имеет Александр Македонский к болгарской истории? Известно, что в коранической традиции Александр отождествляется с Зу-л-Карнайном (Искандером Двурогим). Как считает М. Б. Пиотровский, Зу-л-Карнайн был известен еще доисламским поэтам, и «нет оснований сомневаться в том, что для Корана прозвище это связано с Александром Македонским, но, конечно, сказочным, а не историческим» [19, 149]. Согласно 18-й суре Корана «Аль-Кахф» («Пещера») Зу-л-Карнайн создал «стену», отгородившую цивилизованный мир от распространявших нечестие племен «йаджудж» и «маджудж» (библейские Гог и Магог). Согласно кораническим и библейским преданиям, если народы йаджудж и маджудж смогут вырваться на свободу, мир постигнет страшная беда. Самое любопытное, что болгары считали себя не просто потомками Искандера Зу-л-Карнайна, но и «защитниками, охранявшими от нашествия варваров границы цивилизованного мира, укрепленные их стенами» [8, 104].

В российской и зарубежной историографии долгое время продолжалась полемика о местонахождении «Стены Искандера». Часть историков видела ее на Востоке, другая – на Севере. Те и другие опирались на известия арабо-персидской географической и исторической литературы. Крупнейший историк второй половины IX – первой трети X в. Абу Джафар ат-Табари, передавая рассказ араба Матара ибн-Саджа, сообщает, что армянский царь отправил на север специального посланца, который достиг стены и, вернувшись, рассказал о ней. Российский востоковед А. П. Ковалевский убежденно считает, что «сообщения этого посланца полностью фантастичны, но они указывают на то, что “Стену” искали именно здесь» [12, 283].

Согласно рассказу ученого куфийца Аш-Ша’би, сохраненному в «Географическом словаре» Йакута, Александр Македонский закончил свой знаменитый поход не на востоке, а на севере, где

был радушно встречен людьми с русыми волосами и голубыми глазами. Они пожаловались полководцу, что на север от них, за горами, проживают народы, которые совершают на них дикие набеги. По просьбе Александра «голубоглазые» дают ему железо и медь, он их плавит и создает непроходимую преграду [11, 122].

Рассказ о северных горах у моря, из-за которых не может выйти некий северный народ, закрытый Александром Македонским, находим в повествовании новгородца Гюряты Роговича, вставленном в «Повесть временных лет» под 1096 годом. Его «отрок», будучи у северного народа югра, слышал, будто бы дальше к северу «суть горы заидуче [в] луку моря, имже высота ако до небесе, и в горахъ техъ кличь великъ и говоръ», то есть здесь находятся неведомые люди, которые «секуть гору, хотяще высечися». От летописца Гюряты получает пояснение: «Си суть людье заклепении Александромъ, Македоньскимъ царемъ, якоже сказаеть о нихъ Мефодий Патарийский, [глаголя: “Александръ, царь Макидонский], възде на всточныя страны до моря, наричемое Солнче место, и введе ту человеки нечистыя отъ племене Афетова, ихже нечистоту видевь <...> убоаяся, еда како умножаться и осквернять землю, [и загна ихъ] на полуощныя страны в горы высокыя; и Богу повелевшю, сступишася о нихъ [горы великия] <...> и створишася врата медяная, и помазашася сунклитомъ, и аще хотять взяти, не возмогутъ”...» [21, 235–236].

Скорее всего, данная летописная информация связана с греческими источниками, через которые русские летописцы были довольно хорошо информированы о географии похода Александра Македонского. Согласно этим сведениям, полководец достиг побережья Желтого моря и встретил здесь неведомый народ «Гог и Магог». Впоследствии он загнал его за северные горы и запер здесь, отгородив стеной. Можно не сомневаться: под летописным морем, называемым «Солнче место», подразумевается полузамкнутое окраинное море Тихого океана у восточного побережья Азии к западу от Корейского полуострова. Название дано по цвету воды, вызванному наносами китайских рек и в меньшей степени пыльными бурями. В то же время исторические источники говорят, что реальный, а не легендарный Македонский в 327 г. до н. э. сумел добраться лишь до Индии и не был в Китае. Несмотря на этот факт, на Востоке существуют легенды, связанные с походами Александра Ма-

кедонского именно в Китай. Например, в одной из них говорится, что после завоевания Китая воины Александра стали брать в жены местных девушек, от которых произошли калмыки и дунгане [1, 44]. История изобилует легендами, в которых одни народы ведут свое происхождение от богов, другие – от героев, которые, в свою очередь, также связаны с богами или посланы ими с определенной миссией. Коранический Зу-л-Карнайн сыграл очень важную роль в становлении самосознания волжских булгар. Поэтому вполне реально, что вкупе с греческими источниками в русские летописи могли проникнуть и булгарские предания, в какой-то степени дополнившие рассказ о «Стене Искандера».

Довольно подробное сообщение о существовании «Стены» на Севере содержится в сочинении арабского географа и энциклопедиста первой половины XIV в. Шихаб ад-дин Ахмеда ибн Яхья ибн Фадлаллаха ал-Омари ад-Димашхи, который, ссылаясь на рассказ шейха Ала-ад-Дина ибн ан-Номана ал-Хорезми, пишет следующее: «Рассказывают, говорит Номан, что Искандер, проходя мимо крайних, ближайших к населенным местам, предгорий “Мраков”, увидел там людей Тюркского племени, весьма похожих на зверей; никто не понимает языка их. Когда кто-нибудь схватит одного из них, то они ускользают из рук его. Питаются они растениями соседних им гор. Он [Александр] прошел мимо их и не тронул их» [32, 241]. Повествуя о путях купеческих караванов, Номан констатировал, что купцы хорезмийские «не забираются дальше города Булгара; купцы Булгарские ездят до Чулымана, а купцы Чулымские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера.

Позади их [уже] нет поселений, кроме большой башни, построенной Искандером на образец высокого маяка; позади ее нет пути, а [находятся] только мраки» [32, 240].

Булгары, находясь на самой северной окраине мусульманского мира, восприняли очень важную для становления своего самосознания идею, суть которой связана с именем Зу-л-Карнайна и «Стеной», которую он якобы выстроил, чтобы изолировать цивилизованный мир от вторжения апокалипсических варварских народов. А на булгар, таким образом, налагалась великая миссия – защищать «Стену», воздвигнутую выполняющим волю Аллаха Искандером. Отсюда переосмысление коранического сюжета о посланном Аллахом Зу-л-Карнайне, который для защиты правоверных построил великую стену, отгородив их от ярости демонических «йаджуджей» и «маджуджей». Кроме этого, Зу-л-Карнайн приобрел черты не только строителя городов, но и основателя булгарской династии, которая получила легитимность от одного из героев ислама, воителя против «неверных» [10, 57].

После всего изложенного становится совершенно понятным, почему волго-камские булгары так уверенно считали себя наследниками деяний Александра Македонского, который, согласно их преданиям, является основателем булгарских городов. Именно этот отголосок булгарских легенд стал достоянием русских летописей. Это дает основание полагать, что взаимодействие северовосточных русских княжеств и народов Среднего Поволжья было более активным, чем то, как это отражают летописные источники, редко показывающие повседневность бытия событийно, а только коротким: «Не бысть ничего».

## Библиография:

1. Абашин С. М. Искандар-пошшо // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклоп. словарь. М.: «Восточная литература» РАН, 2001. Вып. 3. С. 32–56.
2. Бестужев-Рюмин. К. Н. О составе русских летописей до конца XIV века. СПб., 1868. 555 с.
3. Гагин И. А. В. Н. Татищев и российская историография о походе князя Владимира на болгар в 985 г. // Вестник СПГУ. 2009. Серия 2. Вып. 1. С. 45–52.
4. Гагин И. А. Рязанская земля и Волжская Булгария в X–XI вв. // Вестник СПГУ. Сер. 2. Вып. 2. 2009. С. 76–83.
5. Гагин И. А. Новейшие оценки «Истории Российской» В. Н. Татищева // Вопросы истории. 2008. № 10. С. 14–23.
6. Данилевский И. Н. Исторические источники XI–XVII веков // Источниковедение: История. Теория. Метод. Источники российской истории. М.: РГГУ, 1998. 701 с.
7. Жиромский Б. Б. К вопросу о походе Булак-Тимура // Советская археология. 1958. № 1. С. 88–96.
8. Измайлов И. Л. «Начала истории» Волжской Булгарии в преданиях и исторической традиции // Древнейшие государства на территории Восточной Европы. Материалы и исследования за 1998 год. Памяти чл.-корр. РАН А. П. Новосельцева. М.: Наука, 2000. С. 99–105.
9. Измайлов И. Л. Защитники «Стены Искандера». Казань: Татарское книжное издательство, 2008. 206 с.
10. Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань: Институт истории им. Марджани Академии наук Татарстана; Центр этнологического мониторинга, 2007. 356 с.
11. Калинина Т. М. Кораническая и устная традиция о местонахождении народов Йаджудж и Маджудж // Восточная Европа в древности и средневековье. Устная традиция в письменном тексте: XXII чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 14–16 апреля 2010 г. Материалы конференции. М., 2010. С. 118–124.

12. Ковалевский А. П. О степени достоверности Ибн-Фадлана // Исторические записки. Т. 35. 1950. С. 265–293.
13. Лихачев Д. С. О летописном периоде русской историографии // Вопросы истории. 1948. № 9. С. 21–40.
14. Лихачев Д. С. Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.) / При участии А. А. Алексеева и А. Г. Боброва. 3-е изд., доп. и перераб. СПб.: Алетейя, 2001. 785 с. ил., табл.
15. Мельникова Е. А. Устная традиция в «Повести временных лет»: к вопросу о типах устных преданий // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В. Т. Пашуто / Под ред. Т. Н. Джаксон и Е. А. Мельниковой. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 153–166.
16. Мухамадиев А. Г. Древние монеты Казани. Казань: Татарское книжное издательство, 2005. 200 с.
17. Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968. 474 с.
18. Повесть временных лет / Пер. Д. С. Лихачева, О. В. Творогова, комм. А. Г. Боброва, С. Л. Николаева, А. Ю. Чернова. СПб.: ВИТА НОВА, 2012, 509 с.
19. Пиотровский М. Б. Коранические сказания. М.: Наука, 1991. 219 с.
20. Полубояринова М. Д. Связи Северо-Восточной Руси с Волжской Болгарией (по археологическим данным) // История и культура древнерусского города. М.: МГУ, 1989. С. 179–189.
21. ПСРЛ. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Т. I. 496 с.
22. ПСРЛ. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. III. 720 с.
23. ПСРЛ. Воскресенская летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. Т. VIII. 312 с.
24. ПСРЛ. Никоновская летопись. М.: Языки русской литературы, 2000. Т. X. 348 с.
25. ПСРЛ. Никоновская летопись (продолжение). М.: Языки русской литературы, 2000. Т. XII. 272 с.
26. ПСРЛ. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. XV. 432 с.
27. ПСРЛ. История о Казанском царстве (Казанский летописец). М.: Языки русской культуры, 2000. Т. XIX. 368 с.
28. ПСРЛ. Львовская летопись. М.: Языки славянских культур, 2005. Т. XX. 704 с.
29. ПСРЛ. Московский летописный свод конца XV в. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. XXV. 488 с.
30. ПСРЛ. Холмогорская летопись. Двинский летописец. Л.: Наука, 1977. Т. XXXIII. 250 с.
31. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Пер. и коммент. [А. П. Ковалевского] под ред. А. Ю. Крачковского. М.; Л.: Наука, 1939. 193 с.
32. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Т. I. Извлечения из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном. СПб., 1884. 588 с.
33. Соловьев С. М. Сочинения: в 18 кн. Кн. 1. Т. 1–2 / Отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. М.: Мысль, 1988. 797 с.
34. Татищев В. Н. История Российская: Собр. соч. в VIII т. М.: Ладомир, 1996. Т. VI. 934 с.
35. Тихомиров М. Н. Начало русской историографии // Вопросы истории. 1960. № 5. С. 42–66.
36. Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 328 с.
37. Халиков А. Х. Волжская Булгария и Русь (этапы политических и экономических связей в X–XIII вв.) // Волжская Булгария и Русь. Казань: Татарское книжное издательство, 1986. С. 3–36.
38. Членов А. М. Из истории ранних русско-булгарских политических связей // Из истории ранних булгар. Казань: Татарское книжное издательство, 1981. С. 69–82.
39. Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М.: Академический Проект, Жуковский: Кучково поле, 2001. 880 с.

## References (transliterated):

1. Abashin S. M. Iskandar-poshsho // Islam na territorii byvshei Rossiiskoi imperii. Entsiklop. slovar'. M.: «Vostochnaya literatura» RAN, 2001. Vyp. 3. S. 32–56.
2. Bestuzhev-Ryumin. K. N. O sostave russkikh letopisei do kontsa XIV veka. SPb., 1868. 555 s.
3. Gagin I. A. V. N. Tatishchev i rossiiskaya istoriografiya o pokhode knyazya Vladimira na bolgar v 985 g. // Vestnik SPGU. 2009. Seriya 2. Vyp. 1. S. 45–52.
4. Gagin I. A. Ryazanskaya zemlya i Volzhskaya Bulgariya v X–XI vv. // Vestnik SPGU. Ser. 2. Vyp. 2. 2009. S. 76–83.
5. Gagin I. A. Noveishie otsenki «Istorii Rossiiskoi» V. N. Tatishcheva // Voprosy istorii. 2008. № 10. S. 14–23.
6. Danilevskii I. N. Istoricheskie istochniki XI–XVII vekov // Istochnikovedenie: Istoriya. Teoriya. Metod. Istochniki rossiiskoi istorii. M.: RGGU, 1998. 701 s.
7. Zhiromskii B. V. K voprosu o pokhode Bulak-Timura // Sovetskaya arkheologiya. 1958. № 1. S. 88–96.
8. Izmailov I. L. «Nachala istorii» Volzhskoi Bulgarii v predaniyakh i istoricheskoi traditsii // Drevneishie gosudarstva na territorii Vostochnoi Evropy. Materialy i issledovaniya za 1998 god. Pamyati chl.-korr. RAN A. P. Novosel'tseva. M.: Nauka, 2000. S. 99–105.
9. Izmailov I. L. Zashchitniki «Steny Iskandera». Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2008. 206 s.
10. Iskhakov D. M., Izmailov I. L. Etnopoliticheskaya istoriya tatar (III – seredina XVI vv.). Kazan': Institut istorii im. Mardzhani Akademii nauk Tatarstana; Tsentri etnologicheskogo monitoringa, 2007. 356 s.
11. Kalinina T. M. Koranicheskaya i ustnaya traditsiya o mestonakhozhdenii narodov Iadzhudzh i Madzhudzh // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Ustnaya traditsiya v pis'mennom tekste: XXII chteniya pamyati chl.-korr. AN SSSR V. T. Pashuto. Moskva, 14–16 aprelya 2010 g. Materialy konferentsii. M., 2010. S. 118–124.
12. Kovalevskii A. P. O stepeni dostovernosti Ibn-Fadlana // Istoricheskie zapiski. T. 35. 1950. S. 265–293.
13. Likhachev D. S. O letopisnom periode russkoi istoriografii // Voprosy istorii. 1948. № 9. S. 21–40.
14. Likhachev D. S. Tekstologiya (na materiale russkoi literatury Kh–KhVII vv.) / Pri uchastii A. A. Alekseeva i A. G. Bobrova. 3-e izd., dop. i pererab. SPb.: Aleteiya, 2001. 785 s. il., tabl.
15. Mel'nikova E. A. Ustnaya traditsiya v «Povesti vremennykh let»: k voprosu o tipakh ustnykh predanii // Vostochnaya Evropa v istoricheskoi retrospektive: K 80-letiyu V. T. Pashuto / Pod red. T. N. Dzhakson i E. A. Mel'nikovoi. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1999. S. 153–166.

16. Mukhamadiev A. G. Drevnie monety Kazani. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2005. 200 s.
17. Pashuto V. T. Vneshnyaya politika Drevnei Rusi. M.: Nauka, 1968. 474 s.
18. Povest' vremennykh let / Per. D. S. Likhacheva, O. V. Tvorogova, komm. A. G. Bobrova, S. L. Nikolaeva, A. Yu. Chernova. SPb.: VITA NOVA, 2012, 509 s.
19. Piotrovskii M. B. Koranicheskie skazaniya. M.: Nauka, 1991. 219 s.
20. Poluboyarinova M. D. Svyazi Severo-Vostochnoi Rusi s Volzhskoi Bolgariiei (po arkheologicheskim dannym) // Istoriya i kul'tura drevnerusskogo goroda. M.: MGU, 1989. S. 179–189.
21. PSRL. Lavrent'evskaya letopis'. M., 1997. T. I. 496 s.
22. PSRL. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshogo izvodov. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. T. III. 720 s.
23. PSRL. Voskresenskaya letopis'. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 2001. T. VIII. 312 s.
24. PSRL. Nikonovskaya letopis'. M.: Yazyki russkoi literatury, 2000. T. X. 348 s.
25. PSRL. Nikonovskaya letopis' (prodolzhenie). M.: Yazyki russkoi literatury, 2000. T. XII. 272 s.
26. PSRL. Rogozhskii letopisets. Tverskoi sbornik. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. T. XV. 432 s.
27. PSRL. Istoriya o Kazanskom tsarstve (Kazanskii letopisets). M.: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. T. XIX. 368 s.
28. PSRL. L'vovskaya letopis'. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2005. T. XX. 704 s.
29. PSRL. Moskovskii letopisnyi svod kontsa XV v. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. T. XXV. 488 s.
30. PSRL. Kholmogorskaya letopis'. Dvinskii letopisets. L.: Nauka, 1977. T. XXXIII. 250 s.
31. Puteshestvie Ibn-Fadlana na Volgu / Per. i komment. [A. P. Kovalevskogo] pod red. A. Yu. Krachkovskogo. M.; L.: Nauka, 1939. 193 s.
32. Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoi ordy. T. I. Izvlecheniya iz arabskikh sochinenii, sobrannye V. G. Tizengauzenom. SPb., 1884. 588 s.
33. Solov'ev S. M. Sochineniya: v 18 kn. Kn. 1. T. 1–2 / Otv. red. I. D. Koval'chenko, S. S. Dmitriev. M.: Mysl', 1988. 797 s.
34. Tatishchev V. N. Istoriya Rossiiskaya: Sobr. soch. v VIII t. M.: Ladomir, 1996. T. VI. 934 s.
35. Tikhomirov M. N. Nachalo russkoi istoriografii // Voprosy istorii. 1960. № 5. S. 42–66.
36. Tolstov S. P. Po sledam drevnekhorezmiiskoi tsivilizatsii. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1948. 328 s.
37. Khalikov A. Kh. Volzhskaya Bulgariya i Rus' (etapy politicheskikh i ekonomicheskikh svyazei v X–XIII vv.) // Volzhskaya Bulgariya i Rus'. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo», 1986. S. 3–36.
38. Chlenov A. M. Iz istorii rannikh russko-bulgarskikh politicheskikh svyazei // Iz istorii rannikh bulgar. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1981. S. 69–82.
39. Shakhmatov A. A. Razyskaniya o russkikh letopisyakh. M.: Akademicheskii Proekt, Zhukovskii: Kuchkovo pole, 2001. 880 s.